

имени Гоголя смотрели с чувством, которое трудно выразить, но можно определить и как сострадания, и как жалости, и как отравления, и как скуку. Все было просто — много лет театр был едва ли не самым худшим в Москве, и то, что он расположен возле Курского вокзала, казалось схиством судьбы.

— «Печальные победы» Александра Володина, «Панночка» Нины Садур, пьеса Алексея Шипенко «Смерть Ван Халена» — уникальнейшая пьеса! Про эту часть жизни не писали никогда. И мы начали ставить «После грехопадения» Артура Миллера.

— Конечно. Ведь просто ставить классику, мотивируя это тем, что «классика всегда современна», и тому подобной «клипсой» нельзя. Классика станет современной только пройдя через душу художника, нельзя ставить по умозрительной тезе. Я читаю, но не нахожу себя в той степени в этой прекрасной литературе, в какой это требуется. И поэтому я спешу скорее поспевать потягиваясь глоссы.

ся год. И это еще полдела, потому что спектакль, поставив, надо держать. А это дело трудное. В драматическом деле очень много приблизительного и нет определенных каких-то жестких условий. И это ведет к какой-то общей разгнанныйности. Я ведь уже преподаю четыренадцать лет на том же курсе, который закончил у Андрея Александровича Гончарова, ставил в разных театрах, ставил и в Москве, и

— Да, нам очень этого хотелось, ведь мы живем буднично, серо — в общем то масштабе. Ну мы там счастливые люди, занимаемся любимым делом, а ведь в основной массе — ничего. Телевизор и вода. И как жилось, скажи! А ведь за чем-то мы рождались, матери, когда нас рожали, говорили, что звезда родилась! И куда же она потом девается, эта звезда?

— **Ваше предо в театре?**
— Театр — это ведь не один спектакль и не два. Театр — система взаимоотношений со зрителем, с миром, с жизнью. И поэтому мы ставимся к ней так наивно, так по-детски, так по-школьному. Мы не ставимся к ней с должной ответственностью, на наш взгляд, драматурги ставят театральную литературу. Репертуар — только свой, пьесы не должны иметь аналогов в других театрах. Момент бытия, дающий возможность для творчества, должен быть. Мысль прежде всего вслушивается и вслушивается в угол зрения автора, когда речь идет о системе всей жизни, где существуют Долг и определенные устойчивые моральные категории и идеалы. Мысль должна быть углублена. Вот почему я поставил Пленцера. Человек хочет бросить, покинуть сработанную систему

— Сергей Иванович, вы пришли в уже сложившийся театр, что трудно, чем создать новый. Какие у вас отношения с труппой, с постановочной частью? Вот ведь Бориса Морозова съездили в Пушкинском, у же наговоро о чудовищном и бессмысленном отношении к Анатолию Васильевичу Зфросу у Театре на Таганке, что навсегда покрывало труппу позором.

нем, но что было, то было... и сын в Ленинграде, ставил в БДТ и спросил советника у Георгия Александровича, который сел за стол, что это-то и хорошо, что театр не в первых рядах, что, может быть, и падать ему дальше некуда, любой шаг будет шагом вперед. И тогда я согласился. Большая часть труппы была за меня и предложила мою кандидатуру другим. Мой прихотливый и желание были искренни. Видит бог! Дальше все решит работа. Может быть

— Последним спектаклем Зюрова и Малой Бронной был «Директор театра», который стал необычайно значимым еще и вследствие его собственного опыта, опыта печального и впоследствии триггерного. Как вы оцениваете роль директора в театре? Ведь это очень большая и не так уж часто поднимаемая у нас проблема.

— Как не возникает вопрос с лидерами отношений Театра имени Маяковского, вот пре Театр имени Моссовета все знают — главный там директор, поэтому у него который год нет хороших спектаклей.

— Доказательством лидерства являются спектакли. А вот право быть открытыми мы друг с другом у нас есть. И мы слышим друг друга... Хотя дело это живое

а характеры наши разные.

— Сейчас очень много разговоров о переходе к системе антрпризми, которая у нас крайне болезненно переживается. Но с другой стороны, без антрпризми и сбора труппы на один спектакль еще дальше, а вот изменения в ней с приходом нового режиссера неизбежны.

— Труппа должна обновляться, но этот процесс должен быть естественным, я, с одной стороны, толпач. Это не значит, конечно, что, если у одинаково ко всем относиться, но ведь можно и с аллбодри талантиности. Преданности театру и подвизкичество — вот критерий.

КУДА И

— Эта тема заслуживает отдельной беседы. Андрей Александрович мой учитель, мой любимый учитель и человечески, и

ВДА

...есть право свернуть!..»

— А история со спектаклем «Застава была» — это правда?

— Никакой истории и не было. Просто сначала был дипломный спектакль-курс, который я поставил, а потом спектакль Театра имени Маяковского, который поставил Андрей Александрович. Это совершенно разные вещи. Все это обрывается на том, что мы скомандовали представить на себя пресловутый повод для сплетен.

— Я помню, что Гончарову совершенно случайно, когда работал, окончил Ярославские театральные училище, актером, работал в Новосибирске, приехал в Моск-

При этом Гончаров мощная личность, он может кому-то и не нравиться. Он очень разный, но человек по натуре своей очень добрый, и он готов на многое! При этом он бывает удивительно хенд-дридинг, он может обидеть самого близкого, он может такое слово сказать, да еще при этом при актере... Этого много, сложностей в его характере. Но, чем он владеет, с такой жаждой к знаниям он готов своим познаниям, полученным в результате практики и общения с учителями делиться! А я только лишь с Ефремовым лично не знала. И Ефремов довольно долгое время жил в Москве.

— А ваш репатриционный метод каков? Вы ведь человек очень эмоциональный и в прошлом актер, что неизбежно накладывает отпечаток на методы работы.

[illegible]

— Вы так много ставили? Не по при
нуждению — по своей воле. Я ставил
«Гибель эскадры» в Центральном детском
театре и там же «Кошкин дом» — и мне
это хотелось поставить даже на столах
для детей, сколько для самого себя. Из
вестен знаменитый парадокс Феллини
«Даже если я буду снимать фильм из жи
вноты, то он будет автобиографичен».
Это грандиозная мысль, и в этом была на
ша профессия. Он придумал афоризм.

— В разговоре о тебе, которую исполняет главный режиссер, неизменно возникает вопрос о других режиссерах в театре.

— Обязательно должна быть беседа с мирошущими и сошедшими с драматургии, которую мы вытесним. Ведь «делата» не только не предвещает, но и не имеет репертуар. Мы должны размышлять, пусть со своей колокольней, о том, как можно близко, разумно по выражению по форме, по занятости актеров (это, конечно, не означает, что все актеры — сценические) на ТЕМУ. Можно, конечно, пригласить бойкого режиссера, я не уверен, но как-то... Черт его знает. Лучше потяховку.

— Но ведь распределение ролей уже есть решение спектакля. Прежде чем их распределять, надо понять, про что ты

— А разве отрицательные чувства по отношению к антеру у нас бывают?

— Бывают, когда не знаешь его.

— А если знаешь, и все равно?

то можно мириться. Вроновой: настолько богат человек! У нас с ним возникали сложности, но мы тем не менее работали. И работали с удовольствием.

— А с крупными анферами как работать? Когда давнѣе авторитет и гроздье званий, прамій, титулов анфер!.. Вот если бы вам установить невозможную задачу — поставить спланировать со Станиславским в главной роли. Первая вещь: мыслѣ по этому поводу какой бы была?

— Мое убеждение: самая изюбрма-
нншая величина (если она не в маразме),
если он действительно настоящий интер,
то он не дурак. И он понимает, что сиди-
щий за столиком напруга, пусть пивчик,
пусть многого не понимает, но я твою
зеркало. И обычно с выходящими артиста-
ми обязательно найдешь общий язык.
И в них есть удивительная агонистическая

жизни, ни не пройдут мимо, они обязательно увидят. Они дети, артисты, а большие артисты — большие дети. Они могут быть вадзорными, изломанными, преданы, капризные, могут не любить, могут даже ненавидеть, могут быть совершенно одиозными. Поэтому, если у тебя есть что им сказать про себя — не про них, они знают много больше тебя о жизни! — они отстроятся. Конечно, если ты достаточно профессионален и знаешь, что делаешь табуретку, простакнуло, что-то не так, то ты можешь сказать: «Вадзор, вадур! ты делаешь такой ТАБУРЕТ, что с него можно будет вадур обзореть мир!» Другое дело, что инд может быть и не табуретка, но сидеть на нем будет можно, а табуретка — это синоним действия.

— Пример, который сейчас у всех на устах: Татьяна Доронина. Ведь, бывшая артистка, спорит, не только Гончаров и Толстого могли удерживать эту шаровую молнию и в ту щель, в которую они хотели, весь ее заряд направляли.

— Когда у артиста начинается момент саморазрушения, то это его трагедия. Как только артист думает, что ему не нужен режиссер, это означает его гибель. Это то, против чего восставал Станиславский. Конечно, режиссеры бывают разными, но великие актеры обычно имеют возможность выбора.

— У нас очень мало говорится о меж-

— Столько пишут замечательных искренних статей многие замечательные журналисты! И так они во многом правы. Но лидеры с нами в их лагерь: надо работать, пусть небольшая награда, пусть небольшие успехи, но надо что-то делать... Но у меня такое ощущение, что они все являются служителями определенных режиссеров и ситуаций. Что в большинстве своем их слова расходятся с конкретными по-

стпулки. У них есть какое-то милоблестливое. Но приди, посмотри, скажи: «Пришел Яшин, и хуже стало!» Я не боюсь про меня много хорошего писали. Но... Есть скандал — и сразу все туда, в систему модных валиний, которые и достойны, наверное, этого. Но уже анекдоты составили — хахлит, полкаут? Или — сугубо профессиональные разговоры, что вообще смешно. Все критика сосредоточилась на СТУ, там идут крохотные проблемы, чего, честно говоря, сравняться, но в отрыве от реальности. В театры ни хавает. Куда-то все ахает.

— Я стою на другом подходе. Театр — это дело плембейское. Это кино можно снять в расчете, что поймут через 20 лет. А театр — это только сейчас.

Бюроду тел
Иван ПОДШИВАЛОВ.

A black and white portrait of a man with a full beard and mustache, smiling warmly. He is wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt. His hands are clasped together in front of him, resting on a surface that appears to be a desk. The background is dark and out of focus.

«Человек должен иметь право свернуть!..»

Но, знаете, я еще ведь приверженец театральной семьи. Это сегодня не то что выглядит романтизмом, а вполне граничит с идиотизмом. Но мне упремо кажется, что в принципе театр — это семья, где есть свои дальние и близкие родственники, есть папы и мамы, любимчики, блудные дети. И перевод на западную системангаментов и контрактов для меня лично мало подходит.

творчески, я его люблю. Это мой отец. У меня могут быть разные периоды отношений с отцом, но духовное родство мое с Гончаровым не подвержено сиюминутности и не зависит от каких-то проявлений моих или его ли.

— А никакой истории и не было. Просто сначала был дипломный спектакль курса, который я поставил, а потом спектакль Театра имени Маяковского, которого я тоже поставил. Александровский. Это совершенно разные вещи. Все это обросло слухами, поскольку представлял на себя превосходный повод для сплетен.

— В разговоре о тебе, которую исповедует главный режиссер, неизменно вопрос о других режиссерах в театре.

Обязательно должна быть драматичность мироощущений и совпадение драматургии, которую мы выбираем. Ведь «делать театр» — это прежде всего значит «делать репертуар». Мы должны размышлять: пусть со своей колониальной задачей, пусть как-то близкую, разную по выражению, но не по замыслу, а по замыслу актера (это может быть и намеренный сплесток с мимикрием), но ТЕМУ. Можно, конечно, пригласить бойкого режиссера, я не равною, но как-то... Черт его знает. Лучше потихоньку.

го-то сравнивается, но в отрыве от реальности. В театры не ходят. Куда-то все едут, и это счастье, что можно ездить! Но процессы-то у нас какие-то идут, идут, и в них надо разбираться. Я не могу сказать, что существует «заговор молчания» — это

— Я модда авангарда...

— Я сторонник другого подхода. Театр — это дело плебейское. Это кино можно считать в расчете, что поймут через 20 лет. А театр — это только сейчас.

Беседу вел
Иван ПОДШИВАЛОВ.